Рецензия на книгу: Анненкова Е. И. Константин Аксаков. Веселье духа

СПб. : Росток, 2018. 320 с.

Несмотря на то, что в XIX–XX вв. многое было сказано о принципиальной диалогичности гуманитарного знания, о том, что, изучая прошлое, человек имеет дело с человеком, его мыслями и поступками, которые познаются только в межличностной *встрече*, основным ракурсом при рассмотрении этой проблемы, как правило, остается рассмотрение предмета в проекции познающего. Основное внимание уделяется вопросу: как исследователь взаимодействует, что и при каких условиях открывает в процессе познания, и гораздо меньше обращается внимание на то, как познаваемое в свою очередь влияет на деятельность и сознание познающего, встраивает его в свои структуры, делает причастным себе. Наш разговор о новой книге Е. И. Анненковой, посвященной Константину Аксакову, будет именно об этом.

Имя Елены Ивановны Анненковой хорошо известно всем, кто знаком с творчеством А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, И. В. Киреевского и других славянофилов. Работы этого исследователя, посвященные как славянофильству в целом, так и отдельным его представителям, появлялись на протяжении нескольких десятков лет, начиная с конца 1970-х гг. вплоть до настоящего времени, и потому они не только представляют собой серьезный вклад в научное изучение славянофильства, но и сами стали своего рода культурно-историческим документом, рассказывающим об истории изучения славянофильского наследия во второй половине XX — первых десятилетиях XXI в. В то же время работы Е. И. Анненковой в их совокупности, — это и творческая эволюция самого исследователя, который на протяжении полувека непрерывно размышляет о феномене славянофильства и его отдельных представителях, делясь своими открытиями с читателями.

Разумеется, о славянофилах написано очень много, можно назвать имена известных исследователей, перечислить разнообразные монографии и статьи. Однако работы Е. И. Анненковой, являясь частью общего научного процесса освоения славяно-

фильского наследия, вместе с тем, остаются своего рода явлением уникальным. Перед нами один из немногих исследователей, сумевших почувствовать духовные основы раннего славянофильства, ближе всех подошедших к разгадке тайны его обаяния и внутренней силы, приковывающей к себе внимание на протяжении почти двух веков. Это стало возможным благодаря той самой диалогической *встрече* познающего и познаваемого, о которой так много сказано на языке эстетики, философии, психологии, может быть, более всего — в поэзии, но которая так и остается недоступной стороннему наблюдению, предоставляя нам только результаты творческого постижения исследователем наследия прошлого.

Как неоднократно показывает Е. И. Анненкова в своих работах, раннее славянофильство представляет собой нечто отличное от западноевропейских и отечественных традиционных видов сообществ, организованных на основе какого-либо объединяющего начала: профессиональных, интеллектуальных, политических и других общественных объединений. Своеобразие раннего славянофильства заключается в характере связей и отношений между теми, кто принадлежал этому узкому кругу: прежде всего, это глубинные и многоуровневые личностные связи — от семейного родства до романтически воспринимаемого самими славянофилами родства духовного, от общности профессиональных интересов до единства религиозных взглядов и опыта. Иначе говоря, трудно выделить один единственный критерий, на основании которого были объединены ранние славянофилы друг с другом. Этот своеобразный сплав связующих начал, от родовых до «метафизических», породил уникальное единение, то славянофильское «братство», о природе которого так много размышлял А. С. Хомяков и его сподвижники. Отголоски этого опыта единения можно обнаружить в рассуждениях славянофилов о братской любви славянских народов, в сочинениях А. С. Хомякова, посвященных опыту церковного общения «в благодати взаимной любви», и, например, в строках его стихотворения «К иностранке»:

При ней скажу я: «Русь святая» —

И сердце в ней не задрожит —

где строка «и сердце в ней не задрожит» вызывает целый комплекс романтических представлений о родственной душе, жажде обретения гармоничного согласия как залога гармонии и един-

ства мира. Эта тема познания, движимого любовью, диалогической открытостью познаваемому, станет ведущей идеей славянофилов. Мечта о единении — общественном, национальном, межславянском, мировом — пронизывает всю их деятельность. Эта неосуществленная мечта, однако, в определенной мере осуществляется в «большом времени культуры», в тех случаях, когда славянофилы находят отклик у читателей своих сочинений, у диалогически обращенных к ним исследователей.

В связи с этим, говоря о ценности работ Е. И. Анненковой о славянофилах, хочется обратить внимание на следующий факт: если не учитывать всей сложности, многомерности феномена славянофильства и рассматривать его только в соотношении с западничеством как одно из двух интеллектуальных течений, сложившихся в русском обществе первой половины XIX в., то при всей научной ценности подобных исследований сущность славянофильства как культурного феномена останется недоступной. Для понимания славянофильства нужно отказаться от привычки воспринимать его как само собой разумеющееся, хорошо известное, понятое уже в XIX в. явление. Скорее, требуется примерно тот же подход, что и при знакомстве с экзотическими, редкими культурными или языковыми феноменами — ведь, как отмечают исследователи, в таких случаях требуется методика «вживания», уподобления, попытка стать тем «странным» другим, которого мы хотим понять, освоить его формы поведения, язык, мышление, чтобы потом, вернувшись к позиции наблюдателя, дистанцированного «другого», адекватно описать исследуемое. Однако в случае со славянофилами применить такой метод достаточно сложно в связи со сложившимися еще в XIX в. стереотипными, поверхностными представлениями о славянофильстве (часто связанными не с А. С. Хомяковым, К. С. Аксаковым, И. В. Киреевским, а с солидаризировавшимися с ними, радикально настроенными и «уплощавшими» их идеи представителями консервативной мысли). А поскольку раннее славянофильство — явление неоднозначное и многомерное, возникшее на пересечениях русской и западноевропейской культур, русского семейно-бытового уклада и западноевропейской модели светского поведения, национальных форм религиозного опыта и вселенского опыта христианства — войти в этот особый мир славянофильства и почувствовать в нем себя «своим» очень непросто. Не случайно первые биографы, комментаторы славянофильства сами были из славянофильской среды или приобщались славянофильству в про-

цессе его исследования (Ю. Ф. Самарин, В. З. Завитневич и др.), поскольку понимание славянофильства возможно в полной мере или изнутри него самого, или при условии целостного внутреннего погружения в изучаемое явление, каковое мы и наблюдаем в работах Е. И. Анненковой.

Именно благодаря такой аутентичности автора предмету исследования мы можем говорить о большой научной и просветительской ценности работ Е. И. Анненковой. Любопытно, что одной из сфер научных интересов автора на протяжении многих лет являлся фольклор и народная культура, а знание этой предметной области подразумевает умение общаться с «информантом» как принципиально *другим* и при этом чрезвычайно интересным собеседником; требуется опыт выстраивания диалога с удаленной культурой и ее носителями, умение посмотреть на мир глазами *другого*, без чего получить знание о такой культуре невозможно. Представляется, что этот опыт во многом способствовал формированию способности Е. И. Анненковой вслушиваться и слышать голоса эпохи раннего славянофильства, давать этим голосам зазвучать на страницах своего исследования, что позволяет читателю прикоснуться к до конца не разгаданному явлению русского славянофильства.

В контексте сказанного рассмотрим новую книгу Е. И. Анненковой «Константин Аксаков: веселье духа», вышедшую в 2018 г. в издательстве «Росток».

Книга посвящена основным этапам становления К. С. Аксакова как мыслителя и человека, творческая деятельность которого была значима для общественной и культурной жизни русского общества 30–50-х гг. XIX в. Е. И. Анненкова поставила перед собой непростую задачу — рассмотреть формирование и развитие духовного мира К. С. Аксакова, взятого как целое, в единстве интеллектуально-психологических установок, идеалов и норм мышления, далеко не всегда отрефлексированных, однако являющихся движущей силой его мысли. Такая задача по силам исследователю, который не только досконально владеет фактографическим материалом, свободно ориентируется в сочинениях мыслителя, но и хорошо понимает культурно-исторический, нравственно-психологический и прочий контекст того или иного высказывания К. С. Аксакова, может соотнести каждое конкретное высказывание с его картиной мира как единым целым. В этом отношении можно сказать, что Е. И. Анненкова не только справляется с этой задачей, но и помогает читателю удержать и осмыслить все де-

тали и сцепления мыслей и чувств К. С. Аксакова, чтобы ощутить целостное выражение его личности в любом высказывании. В связи с этим лингвопрагматической особенностью книги является пристальное внимание к читателю: большое количество подчеркнутых автором связей и взаимопереходов между частями книги, напоминания о сказанном ранее, предупреждения о возможных различных трактовках приведенных высказываний. Понимая специфику выражения заостренной, провоцирующей аксаковской мысли, автор исследования предвосхищает возможные негативные реакции читателя, поспешные оценки — и стремится для любого высказывания К. С. Аксакова предоставить как можно более полный контекст, чтобы дать возможность читателю сформировать обоснованное суждение.

Такой масштабный подход, позволяющий автору оперировать наследием Константина Аксакова как целым, рассматривать любую мысль в контексте этого целого, в ее динамике, разнообразных переключках с другими идеями и построениями позволяет читателю сложить из разрозненных высказываний и поступков целостный образ мыслителя, почувствовать внутренние мотивы того или иного высказывания, константы его мировоззрения и, вместе с тем, динамику внутренней жизни.

В первой главе «И вот мой путь...» Биография и эстетика» рассматриваются юношеские годы К. С. Аксакова, формирование его личности в уникальной атмосфере аксаковской семьи, первое пробуждение чувства и мысли. Е. И. Анненкова, глубоко сочувствуя своему «герою», раскрывая перед читателем формирующийся внутренний мир молодого Константина Аксакова, стремится увидеть в его ранних духовных исканиях зачатки славянофильского мирозерцания, которое разовьется в зрелые годы. Автор отмечает характерную для юного К. С. Аксакова цельность, подчас близкую к детской простоту и естественность, а также сосредоточенность, соединенную с мечтательностью, созерцательностью, связанную со скрытой от посторонних глаз внутренней духовной работой. Рассматривая эпистолярное наследие К. С. Аксакова, Е. И. Анненкова обнаруживает характерное для него «целомудрие души», проявляющееся в особом балансе между исповедальной откровенностью и сокрытостью определенных сторон внутренней жизни. Так подспудно вырисовываются некоторые интеллектуально-психологические черты личности К. С. Аксакова, которые, как полагает автор, во многом предопределяют его дальнейший духовный путь.

Е. И. Анненкова показывает, что мировоззрение К. С. Аксакова оттачивалось в непрерывном внутреннем диалоге с самим собой и самыми близкими людьми, с которыми он ощущал чувство духовного родства, в частности, с М. Г. Карташевской. Е. И. Анненкова напоминает о том, что атмосфера аксаковской семьи — это прежде всего духовное единство близких людей, развивающихся самостоятельно, но в непрерывной, многогранной взаимосвязи друг с другом. Разумеется, читатель понимает, что такой уникальный опыт семейной гармонии, подлинного единения также стал для Константина Аксакова не только одним из источников творческого вдохновения, но и неким прообразом того самого «единства» и подлинной «жизни» народа как огромной семьи, объединенной «единством Веры», общим укладом жизни и мирозерцания, которым будут посвящены его сочинения в зрелые годы.

Читая первую главу, особенно страницы, посвященные вдохновенной переписке Константина Аксакова с Марией Карташевской, невозможно не заметить важный для исследователя этический принцип: личные переживания К. С. Аксакова обсуждаются в книге ровно в той мере, которую определил для себя он сам в письмах к родным. Сочувствуя «целомудренной душе» Константина, исследователь обсуждает с читателем только то, что сам Аксаков счел нужным выразить в письмах и поэтическом творчестве, не смея строить какие-либо предположения относительно невысказанного, но лишь подразумеваемого в поэтических образах и настроениях его писем. В целом же данный фрагмент книги позволяет увидеть еще одну грань личности К. С. Аксакова — стремление к полной открытости и простоте общения, искание «того женского “Я”, которое наделено той же степенью интуиции, отзывчивости», что и он сам (С. 61).

Тем самым, в первой главе книги вырисовывается весьма самобытное мироощущение молодого Константина Аксакова, тот комплекс личностных черт, который разовьется в дальнейшем в целостное мировоззрение, а глубинные потребности души в неразрывном семейном единении и любви воплотятся в образе народа как источника и хранителя самого «тайнства жизни» — опыта «братской общины», «единства жизни».

Вторая глава книги посвящена рассмотрению научного и публицистического наследия К. С. Аксакова, формированию его славянофильских убеждений. Е. И. Анненкова не стремится реконструировать законченную систему взглядов К. С. Аксакова (что грозит определенными спрямлениями, искажениями автор-

ской мысли в случаях, если сам мыслитель не систематизировал свои взгляды), понимая, что само представление о системности мировоззрения не вполне подходит для описания картины мира К. С. Аксакова. Е. И. Анненкова стремится уловить «склад сознания, внутреннюю логику в его рассуждениях, связанную с “внутренней программой жизни”». В результате вырисовывается самобытный облик К. С. Аксакова как мыслителя, внутренняя логика рассуждений которого не всегда поддается привычному научному описанию. Е. И. Анненкова последовательно показывает, что «внутренняя программа жизни» приводит К. С. Аксакова к ощущению того, что принципы научной рациональности применимы далеко не ко всем сторонам жизни, что логический анализ всего лишь инструментарий с достаточно ограниченной сферой применения, и потому, как замечает К. С. Аксаков, наука «должна необходимо допустить таинство жизни, не подлежащее уже ее осязанию, таинство, которое может она угадывать или определять приблизительно, но которым овладеть она не в силах, ибо это — таинство жизни». Прежде всего, это касалось таких сфер, как религиозная вера и национальное самосознание.

Так, Е. И. Анненкова обращает внимание на тот факт, что, в отличие от других славянофилов, К. С. Аксаков «в письменных спорах практически не касается» вопросов веры; «подобный предмет допускает и даже требует изъяснения и защиты, но не подлежит разъятию» (С. 133). «Вся рефлексия, все сомнения оказались еще в юности обращены к внутренней жизни, — уточняет исследователь. — Но “быть или не быть” не относилось к учению, поскольку это была не просто система убеждений... но образ мышления, самосознания. То, что оппонентам казалось отвлеченной теорией, для Аксакова было таинством жизни, требующим сбережения тем более, что эта живая жизнь имела национально-историческое проявление» (С. 133). Поэтому там, где сторонний наблюдатель лишь констатировал бы в рассуждениях К. С. Аксакова отсутствие анализа, нехватку логических аргументов, Е. И. Анненкова стремится усмотреть своеобразную «внутреннюю логику» его рассуждения, которая равным образом обнаруживается как в сказанном, так и в недосказанном, сокрытом, но изнутри питающем аксаковскую мысль.

В качестве ключевых понятий, лежащих в основе построений К. С. Аксакова, Е. И. Анненкова выделяет понятия «жизни» и «народа». Обнаруживая эти понятия в различных контекстах, автор выясняет, что у К. С. Аксакова они сближаются почти до синони-

мии. «В характеристике славян, — пишет Е. И. Анненкова, — на первый план выходят не те или иные исторические их проявления, а не поддающиеся уничтожению, как убежден К. С. Аксаков, формы их жизни: “...славяне русские образовали жизнь свою: они поняли значение общины, они ощущали чувство братства, чувство меры и кротости... Заимствовать можно только материальные улучшения. Заимствовать жизни нельзя”» (С. 127). При этом автор книги прослеживает, как сформировавшиеся еще в юности, в опыте семейной гармонии «чувство братства», «чувство меры и кротости» самого К. С. Аксакова превращаются в основополагающие идеи и категории его творчества, зреют и развиваются в 1840-е и 1850-е гг. Так, автор показывает на материале сочинений К. С. Аксакова, как постепенно «тому пониманию жизни, которое зародилось у юного Аксакова-романтика 1830-х гг., укрепилось у публициста и историка в 1840-е, синонимичным становится понятие народа» (С. 129). «Народ есть лицо самобытное, самоустраивающееся, — пишет К. С. Аксаков. — В чем состоит связь, образующая народ? <...> Это связь есть единое общее нравственное убеждение, не отвлеченное, но живое и в жизнь переходящее; эта связь есть союз духовной жизни. <...> В чем может состоять это общее убеждение, связующее народ? <...> Назовем его прямо: это убеждение есть Вера» (С. 129).

Продолжая и комментируя мысль К. С. Аксакова, Е. И. Анненкова уточняет, что «в основе общественности, по мнению Аксакова “лежит высшая духовная причина, не для всех сознательно ясная. Эта причина — потребность согласия”» (С. 129). Так, следуя за мыслью К. С. Аксакова, логикой ее развития, автор помогает читателю связать ее отдельные фрагменты, уточнить понимание отдельных понятий и увидеть в результате общую канву славянофильского мирозерцания, проявляющуюся во всех вопросах, которых касались славянофилы, во всех видах их деятельности. «Жизнь», «живой организм народный» для славянофилов есть тайна, на которую можно указать, но нельзя определить, обосновать логически, выразить в законченных определениях. Это не отменяет потребности славянофилов в теоретическом обосновании самобытности народа и его права на самостоятельное развитие, в связи с чем, опираясь на теории органицизма, К. С. Аксаков говорит о жизненном пути, понимаемом как «нравственный подвиг жизни».

Рассматривая дальнейшее развитие мировоззренческих идей К. С. Аксакова, Е. И. Анненкова во второй главе книги подходит

к вечно актуальной проблеме отношений России и Европы. Как известно, высказывания К. С. Аксакова по этому вопросу нередко отличались особой резкостью, напоминая сознательную провокацию собеседника. Как отмечает Е. И. Анненкова, говоря о месте К. С. Аксакова в славянофильском кругу, «аксаковская привычка выражать мнение определено, избегая умолчаний, тактической недоговоренности, позволила высказать то, на чем держалось славянофильское учение: разрабатывая национальную тематику, отстаивая “русское воззрение”, основатели учения всегда вели речь об общечеловеческих коллизиях во всей их проблемности, зная, что в тот или иной момент они могут дать о себе знать на любой национальной почве» (С. 134). Развенчивая стереотипные представления об Аксакове как односторонней критике Западной Европы, Е. И. Анненкова приводит известный тезис Аксакова: «настоящая борьба Востока и Запада, России и Европы — в нас самих». Обсуждение оригинального аксаковского понимания этого тезиса и его обоснование — одни из самых интересных страниц книги. Читатель узнает в этой главе много интересного об аксаковском представлении о соотношении Москвы и Петербурга, о сложном, неоднозначном восприятии Западной Европы, далекоком, как и у всех славянофилов, от полного отрицания, познакомится подробно с отдельными работами К. С. Аксакова, посвященными так называемому славянскому вопросу, древнерусской культуре и быту и многим другим темам, волновавшим К. С. Аксакова в 1840–1850-е гг. Также большое внимание уделено отражению этих тем в поэзии К. С. Аксакова.

Последняя глава книги посвящена отдельным эстетическим, историческим, религиозно-философским вопросам, актуальным для позднего творчества К. С. Аксакова, в частности, вопросам соотношения искусства и христианства на фоне активного обсуждения этого вопроса в русском обществе конца 1840-х гг. Константин Аксаков предстает в этой части книги как мыслитель, хорошо знакомый с философско-эстетической проблематикой христианского искусства, что позволило ему глубоко проанализировать «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и сформулировать собственные представления о задачах христианского искусства.

В последней части этой главы Е. И. Анненкова снова возвращается к личности К. С. Аксакова, чтобы в контексте всего сказанного ранее снова попытаться охватить ее целостным взглядом и подойти к финальным обобщениям, подвести итоги. Через всю

книгу проходит тема «веселья духа», о котором часто размышлял К. С. Аксаков, касаясь понятий «жизни», «народа», «веры». Диапазон значений этого «веселья» разнообразен у Аксакова, это и естественная радость бытия, и проявление энергии самой жизни, и христиански понимаемое состояние духовной радости и чистоты. Все эти значения находят выражение в творчестве К. С. Аксакова, соединяясь воедино в финале его жизни, в момент наивысшего испытания, связанного с потерей дорогого ему человека, С. Т. Аксакова. Удивительным образом потеря самого близкого человека становится главным испытанием в конце жизни для обоих проповедников единения, «благодати взаимной любви» как основы подлинной жизни — К. С. Аксакова и А. С. Хомякова. И для обоих это испытание оказывается трагическим, требующим напряжения всех внутренних духовных сил, проверки тех убеждений, которые легли в основу славянофильского учения. И для К. С. Аксакова, и для А. С. Хомякова это испытание становится своеобразным подведением итогов «нравственного жизненного пути», когда, лишившись всего того, что определяло и питало жизнь и убеждения, необходимо было эти убеждения сохранить, остаться им верным.

С той же тактичностью по отношению к «целомудренной душе» К. С. Аксакова, как и в главах, посвященных его молодым годам, обращаясь только к фактам из писем и воспоминаний родных и современников, Е. И. Анненкова дает возможность читателю стать свидетелем последних месяцев жизни К. С. Аксакова, самостоятельно делая выводы о том, насколько оказались сообразными «жизнь» и «мысль» в конце его жизненного пути. Очень ценными в этой главе книги являются фрагменты писем и дневников членов семьи Аксаковых, некоторые из которых совсем недавно стали доступны или представлены впервые благодаря архивам Рукописного отдела Института русской литературы.

Завершая книгу, Е. И. Анненкова подводит главный итог своего исследования: обнаруженные константы духовного мира К. С. Аксакова — «жизнь» и «веселье духа», «святыня духа», «целомудрие», «простота» проходят через все творчество и подвергаются испытанию в конце жизненного пути. «Константину действительно удавалось, — пишет исследователь, — в самые трагические минуты жизни, охранять “святыню духа”. Жизнь и кончиной он, может быть, и свидетельствовал, что поиск пути к святости остается некой духовной константой национального сознания — того, в котором “веселье духа” и “святыня духа” нераздельны» (С. 317).

Ссылаясь на издателя Е. Ляцкого, Е. И. Анненкова подчеркивает, что произведения К. С. Аксакова «ищут читателя-друга», «к ним нельзя подходить ни с равнодушием скептика, ни с критической требовательностью, воспитанной на классических образцах», но «все, что есть ценного в произведениях Константина Аксакова, прекрасно и ценно прежде всего потому, что оно неотделимо от личности творца» (С. 120). Современники больше всего ценили К. С. Аксакова как личность, причем оценивали идеи Константина Аксакова в личном общении, подчеркивая, что его устное слово намного сильнее и выразительнее написанного. Книга Е. И. Анненковой в первую очередь позволяет ощутить личность К. С. Аксакова как единое целое и в контексте такой *встречи* продумать и оценить его мировоззрение и творчество. Поэтому, если обычно подобные исследования строятся как заданная выборка высказываний исследуемого автора, их систематизация и анализ, то исследовательская позиция Елены Ивановны напоминает позицию близкого друга, который в каждый момент общения воспринимает Другого не ситуативно, а как целое, тактично следуя за мыслью и чувством собеседника, позволяя себе лишь ту меру проникновения в его внутренний мир, которую задает он сам.

Книга Е. И. Анненковой заставляет задуматься о мере ответственности исследователя как по отношению к предмету своего исследования, так и по отношению к читателю. Глубоко прочувствованное автором книги аксаковское «веселье духа», подразумевающее в том числе и радость единения родственных душ, потребовало от Е. И. Анненковой особых усилий для создания возможности полноценного погружения читателя в духовный мир К. С. Аксакова.

*Е. О. Непоклонова,
канд. филол. наук*

Рецензия на книгу: Введение в историю
Церкви. Ч. 3 : Обзор источников по
истории Церкви в России : В 2 кн. /
Под ред. В. В. Симонова. Кн. 2 :
Источники XVIII — начала XXI в.

СПб. : Библиотека Академии наук, 2018. 485, [3] с. : ил.,
[16] с. цв. ил.

В результате 70-летнего господства советской идеологии в отечественной науке и образовании возникли серьезные разрывы, особенно заметные в академической традиции и школе научных дисциплин церковного направления. В советский период практически прекратилось развитие церковно-исторической науки, на смену объективным исследованиям пришли идеологически окрашенные популярные и откровенно пропагандистские работы. Казалось бы, спустя тридцать лет существования российской науки в условиях, свободных от идеологического давления, правомерно ожидать, что утраченные связи и традиция будут возрождены. Однако на примере церковно-исторических штудий хорошо видно, что такого возрождения не произошло. Это при том, что с начала 1990-х гг. выходят сборники документов и монографии, посвященные проблемам XX в., проходят научные конференции, образуются научно-исследовательские центры. Однако пока в современной России трудно говорить о научных школах, о преемственности и концептуальности применительно к церковной истории.

В этом контексте учебное пособие «Введение в историю Церкви», подготовленное на базе кафедры истории церкви исторического факультета МГУ, является существенным вкладом в разработку концептуальной научной модели церковной истории, в том числе в изучение истории русской церкви в XX веке.

Следует отметить, что представленная книга — третья в большом проекте «Введение в историю Церкви». Первая часть проекта была посвящена обзору источников по общей истории церкви¹,

1. Введение в историю Церкви. Часть 1 : Обзор источников по общей истории Церкви : Учебное

пособие / Под ред. В. В. Симонова. Изд. Моск. Университета, 2012. 752 с.